

БУМАЖНОЕ КИНО

Я дружил с Володей Григорьевым. Сейчас он кинорежиссер, а тогда, в шестидесятые, работал в «Комсомольской правде» и поступил вместе с Марком Розовским и Юрой Клепиковым на Высшие сценарные курсы. Им там каждый день показывали западные фильмы и учили делать советские. Они тогда смотрели Феллини, Антониони, Бергмана, Бюньюэля... При этом им как бы говорили: вот так не надо. Но они как раз так и хотели.

Протаскивать на просмотры они меня не могли — там у них такая проверка была, как на военном заводе. И вот что мы придумали. По воскресеньям мы собирались в клубе МГУ на улице Герцена, рассказывались в маленьком зале, приходил Володя Григорьев и рассказывал нам кино. Что он видел на неделе. Не все, конечно. Лучший фильм. Но зато подробно. Кадр за кадром. Память у него была великолепная, и излагать он умел. Он начинал: «Небо. По небу летит Иисус Христос. Камера отъезжает, и мы видим, что статуя Христа привязана к вертолету...» И мы смотрели «8½» Федерико Феллини. Кадр за кадром. Эпизод за эпизодом. «И вот они выходят на пляж. Марчелло Мастоаянни падает на колени перед маленькой девочкой... И перед нами всплывает титр «Конец фильма». Правда, здесь уже — «Сладкая жизнь», но фильм этот нам тоже рассказал Григорьев.

Мы действительно все это видели, и, когда лет через десять — пятнадцать я все это посмотрел на экране — «Сладкую жизнь», «Седьмую печать», «Затмение», — я все узнал! Потому что Володя Григорьев прокрутил перед нами весь западный репертуар. Все два года, которые он учился на сценарных курсах, он устраивал нам сеансы устного кино.

Потом было кино бумажное. Вдруг стали выпускать маленькие такие книжечки киносценариев. Я помню, купил «Забриски поинт». На экране этого не было, а на бумаге — пожалуйста! У меня до сих пор хранятся «Скромное обаяние буржуазии», «Супружеская жизнь», «Амаркорд», «Бумажная луна»... Бумажное кино.

И только потом, потом, потом я увидел все это вживую. Двадцать лет понадобилось... Ну, и так далее...

ВОЖДИ И МОДА

Все-таки кое-что мы сделали! В смысле вкуса начальства к моде. Отборовшись со стилистами, они вдруг захотели нормально одеваться. И галстуки у них появились с искорками, и воротнички у рубашек подгладились, и пиджачки пошли по фигуре... Рассказывали, что при Брежневле один член Политбюро даже носил берет. «Наш Марчелло Мастоаянни», — называли

его товарищи по работе. Да и сам Леонид Ильич появился однажды в какой-то куртке... Сшитой, конечно, идеологически выдержанным портным, но само отклонение от нормы, от уставного пиджачного стиля было уже невероятной смелостью. Представляю, как этот генсекровский куртец взволновал приближенных! Вроде бы надо

всем переходить на куртки, но это может быть расценено как посягательство на особые права Генерального секретаря... Или в этот раз куртка — призыв к переменам, а ты стоишь на месте... Не знаю, как там было на самом деле, но я заметил, что костюмы на рядовых наших вождах стали светлеть, на них появились полосочки, елоч-

ки, на рубашках выступили легкомысленные крапинки, и засекреченным парикмахерам было дано указание чуть полнее височки и сзади поменьше убирать. Я смотрел на этот процесс, как старый большевик на построение социализма в одной отдельно взятой стране. Нет, не зря мы брали Зимний!..

Впрочем, в первый раз я столкнулся с разрушением стереотипного образа советского вождя гораздо раньше. Еще при Хрущеве. Тогда в моду стали входить плащи «болонья». То, от чего сейчас все отрециваются — синтетика, считалось тогда самым шиком. Как я завидовал Алику Аксельроду, у которого первого из нас появилась самая настоящая итальянская «болонья»! Мой же потолок — финская белая нейлоновая рубашка.

Рисунок Дмитрия Кедрина

Миша Яковлев уступил свою. Не рубашка, а просто чудо! Ее не надо было гладить, а в темноте она светилась... Синий блестящий плащ «болонья», пересекая границы Советского Союза, терял свою естественную функцию — он надевался не только в дождь, но и в самую ясную и жаркую погоду. Иметь такую сногшибательную вещь и держать ее в гардеробе — никогда! Кончилась эта мода, как только советская промышленность освоила выпуск болоньевой ткани. А уж когда эти плащи стали милицейской формой, мы перестали носить даже настоящую итальянскую продукцию. Но свою-то «болонью» я перестал носить несколько раньше. Помню, я пришел после просмотра зарубежного фильма в Доме композиторов и сказал себе: «Хватит, относись!»

Дело в том, что тогда в Доме композиторов перед зарубежным фильмом пустили очередные «Новости дня». Телевидение еще не было таким распространенным, программы «Время» не существовало, и киножурнал «Новости дня» народ любил смотреть. Показывали сюжет о том, как Никита Сергеевич приехал в колхоз проверить кукурузные дела. И вот неудача — дождь! Показывают группу руководящих мужчин, все в черных пальто, в велюровых шляпах, вид довольно жалкий, поля шляп обвисли, с них капает вода... А в середине — Никита, улыбается, рот до ушей, глаза хитроватые, а на нем... плащ «болонья». Ё-мое, мы прямо повалились! Никита в «болонье»! Мало того, еще на лысину такую шапочку-беретку из плащевой жеткани нахлобучил. Зал грохнул, как на самой убойной комедии. Я думаю, включись свет, все бы разом затихли, а в темноте человек чувствует себя в безопасности — почему не поржать над генсеком! А выглядел он и вправду комично. Так не соответствовала эта западная кокетливая одежда угрюмым людям в негнушемся драпе, колхозникам в ватниках, кукурузе, самому Хрущеву с его простонародным видом и руководящими жестами... Все сплелось в какой-то, а бы сказал, чаплинский эффект. Мы доходили в темноте, а Никита Сергеевич, глядя в объектив, улыбался еще шире — мол, как я вам, а?! Больше я «болонью» не надевал.

КОРОЛЬ В НЬЮ-ЙОРКЕ

Пьеса «Взрослая дочь молодого человека» была написана в недрах арбузовской студии молодых драматургов. Это бодренькое название мы решили сменить лишь тогда, когда у двоих из нас завелись внуки.

Арбузов, я считаю, совершил литературный подвиг — он собрал вокруг себя начинающих драматургов, не похожих на себя. Казалось бы, Петрушевская со своей «чернухой» ну никак не должна была импонировать Алексею Николаевичу с его душистыми ремарками и кружевными репликами, — а он любил ее больше всех нас! И получилось так, что вся московская половина «новой волны» вышла из студии Арбузова. Почему я пишу «московская половина»? Потому что была еще «половина ленинградская», которую собрал и выпустил в свет Игнатий Дворецкий. — Алла Соколова, Галин, Злотников...

Когда я закончил «Дочь стилига», я дал ее Арбузову. Он вообще мало говорил мне одобряющих слов, а тут сказал: «Эту пьесу поставят не скоро. Но есть смысл ждать». Ждал я не так долго —

четыре года. Но информационная, рекламная, что ли, премьера состоялась у меня пораньше. Мы готовили вечер нашей студии в ЦДЛ, и Арбузов сказал: «Виктор, я хотел бы, чтобы была представлена ваша пьеса. Подумайте, как это можно сделать». Я пришел домой, сел и написал монолог стилига, можно сказать, дайджест по двум ролям из пьесы — Прокопа и Бэмса. С песенками, с танцем. Через пару дней ко мне в «Юность», в мой малометражный кабинетик пришли Марк Розовский и Саша Филиппенко. Саша уже имел в руках текст, и Марк за час с небольшим прямо здесь, в комнатке, поставил номер. И Марк, и Саша, и я — все трое мы прошли школу эстрадной студии МГУ «Наш дом», и нам не надо было как автору, режиссеру и актеру притираться друг к другу. Что касается Саши, то он у нас был королем запоминания текста как своего, так и всех своих партнеров по тому или другому спектаклю. Марк говорил: «Здесь, Саня, сделай холодный глаз, а здесь ты раздухарился». — и все, и Саня знал, как это делается. Короче, утром в день вечера (во конструкция!) мы показываем наш номер Арбузову и Эфросу, им понравилось — и вечером Саня уже бацал «тюлифули» на сцене ЦДЛ. Он имел очень большой успех. В зале сидели московские драматурги, режиссеры, завлиты... Арбузовская идея сработала — пьеса получила рекламу.

Потом Филиппенко показал этот номер по телевизору, потом лет десять — больше! — делал его в концертах, программах, шоу... Да и сейчас тоже. Недавно он рассказал мне, как из зала молодые ребята во время его коронного рок-н-ролла кричали: «Батя, давай!» И Саша понял, что он уже батя...

Но вот что мне хотелось бы здесь рассказать. Когда перестройка в нашей стране открыла границы, наши театры, артисты, киношники рванули на Запад. Не на постоянное место жительства — на гастроли! Поехали и Филиппенко с Розовским. И вот, со слов Марка, они в Нью-Йорке, в зале полно наших эмигрантов, друзей, увидеть которых в этой жизни мы уже не рассчитывали. Вася Аксенов сидит! Саня делает «Стилягу», монолог, в конце коронка — «тюли-фули», Саня открывает рок-н-ролл, крутит пиджаком над головой, с помощью подтяжек имитирует игру на контрабасе. «лабает» на галстук, как на саксе... И — ап! — концовка, аплодисменты. «Я выхожу, — говорит Марк, — и так по-шоуменовски, перекрикивая зал, широким жестом: «Филиппенко в Нью-Йорке!» Смотрю, Саша заплакал...

«Да, — подтвердил мне потом Филиппенко. — я заплакал».

Виктор СЛАВКИН — известный драматург, автор пьес «Взрослая дочь молодого человека», «Серсо», «Место курения» и др., предложил нам несколько историй — о чем? Конечно, не только о кино или о театре, но и о той атмосфере шестидесятых годов, в которой рождались будущие знаменитые фильмы, спектакли, режиссеры, актеры, драматурги.

Ведет Андрей ПЛАХОВ

РУССКИЙ ЛЕС

И НАШ ГОНКОНГ

На XXVIII съезде КПСС один литератор из города Смоленска горестно сетовал на то, что обычному русскому писателю не хватает бумага, чтобы печатать свои творения. Зато кооперативы — цитирую — «наводнили Москву изображением голых женщин, распятых в нечеловеческих сексуальных позах». Далее оратор афористично сформулировал суть драматической коллизии: «Русский лес пошел на секс». Председатель Демплатформы О. Шостаковский возразил ему: нет, русский лес не пошел на секс, о чем убедительно свидетельствует уровень рождаемости в РСФСР. Такой вот игривый диалог на представительном собрании получился.

Живя у Курского вокзала, я вот уже третий год наблюдаю, как становится на ноги наш отечественный эробиизнес. Сначала на календарях и плакатах можно было лицезреть только обнаженный женский бюст, потом — нежные ягодички, а теперь уже и самую заветную фронтальную проекцию. Так что название небезызвестного романа «Все впереди», проникнутого священным ужасом перед могуществом порнографии, оказалось пророческим.

Говорят, это, мол, эротика, а порнография в нашем правовом государстве запрещена законом (и старым, и новым, что вводится по личной инициативе Президента). Этим, конечно, можно утешаться, на минуточку забыв, что законы бессильны перед подспудными пружинами, что руководят ходом жизни. В Китае, например, за распространение порнографии ввели смертную казнь. И чуть ли не то же самое — за чрезмерную сексуальную активность. Но скованное традициями и запретами огромное тело этой страны все равно находит разрядку в одной-единственной слабой точке — в эротизированном Гонконге. А как только режим воинствующего аскетизма ослабеет, можно не сомневаться: волна эротомании захлестнет просторы от Тихого океана до Тибета.

Так было всюду, где цивилизация шла своим естественным путем, и особенно там, где она претерпевала зигзаги и скачки. Все народы, коим посчастливилось узнать вкус тоталитаризма, знакомы и с его привкусом, выраженным в подавлении нормальной сексуальности, загнанной в рамки жестких табу. На помощь призывались религиозные заповеди и национальные святыни, политические доктрины и государственно-семейные моральные кодексы. Но угнетенная эротическая энергия, прорываясь в подпольных уродливых выплесках, копила для большого взрыва. Его пережили и Италия по-

сле Муссолини, и Испания после Франко, и Япония, переставшая быть самурайским заповедником. Японские «битлы» играют громче всех «битлов» в мире, а японское «порно» самое разнузданное — ехидничали в свое время. Но эротический бум увядает быстрее, чем успевают состариться спровоцированное его поколение. И тем быстрее, чем безусловнее предоставленная ему свобода.

Сегодня мы наблюдаем уникальную ситуацию в Германии. В западной ее части порнобизнес на глазах хиреет. Но как только пала Берлинская стена, рядом с вывесками «порно нон-стоп» явились объявления: цена билета 10 марок, для жителей ГДР — 6 марок. И тут же выстроились очереди вожделевующих соцнеофитов. А вот на парижской Пляц Пигаль и на 42-й стрит в Нью-Йорке последняя надежда владельцев сих богоугодных заведений — советский заезжий люд, готовый пополнить контингент из негритянской бедноты и турок-иммигрантов.

Можно подумать, что западное общество дезротизируется. Ничуть не бывало. Оно просто переходит в очередную стадию, когда секс перестает быть предметом публичного ажиотажа, становится индивидуальным делом каждого человека, вольного выбрать любую форму сексуального поведения, кроме насилия.

Насилие пресекается не только прямое, но и косвенное — психологическое. Агрессивная сексуальность в журналах, на телевидении, в кино не столько цензурируется, сколько локализуется, ограничивается в тиражах и способах распространения. Фильм «Дикий сердцем», о котором мы говорили в прошлый раз, невзирая на Гранпри Каннского фестиваля, может быть придержан в американском прокате. Фильм «Генри: портрет убийцы-маньяка», беспрецедентный по своей жестокости, после пяти лет ожидания получил право на показ лишь в специальных кинотеатрах.

Главное же — публика сумела настолько «перестроиться», что сама становится лучшим регулятором границ дозволенного на экране. И в отношении эротики тоже. Конечно, всегда остаются любители нетривиальных ощущений, но если и считать это болезнью, куда лучше изживать ее в кинотеатре или перед домашним экраном, чем в анонимной сексуальной практике. Это помогает в какой-то мере стабилизировать и цепную реакцию СПИДа. Общество, которое мы привыкли считать агонизирующим, оказалось достаточно здоровым, чтобы не ограничивать никому свободу выбора и сохранить при этом

гамбургеровский счет

КОМУ ПОДЧИНЯЕТСЯ «ВРЕМЯ»?

Ведет Юрий БОГОМОЛОВ

Программа «Время» не стареет: годы ее не берут.

Но и не умнеет, хотя очень стареется.

Постаралась было сократиться до получаса. Прежде счастливые дикторы ни часов, ни тем более минут не наблюдали, читая речи и доклады первых лиц. Теперь эта ритуальная информация по возможности вытеснена за рамки программы. И все равно редкий вечер она не перебирает в метраже.

Постаралась также эта программа обрести более цивилизный, более приватный имидж: в кадр вместе с диктором, устами которого глаголет Государство, сел за овальный стол журналист-комментатор, позволяющий себе сместь собственное мнение иметь, правда, в известных рамках.

В рамках он не столько объясняет новости, сколько зачитывает их. Владимир Молчанов выступает в роли Игоря Кириллова, который, в свою очередь, пробует силы в роли Владимира Молчанова, вальяжно беседа по пятницам с телезрителем от имени телекомпании «ВИД». От этой перемены мест слагаемых, как мне показалось, никто не выиграл и ничто не выиграло.

Чтение по бумажке еще никого не украшало. Напротив, оно способно обесцветить человека и семи пядей во лбу. Заставьте Юрия Никулина с месяц почитать тассов-

ские текстовки, и, боюсь, никто из телезрителей нового поколения не сможет представить себе его в качестве клоуна.

И Кириллову нелегко в качестве независимого, хорошо осведомленного телезрителя. Ну да это уже другая тема.

Что же касается самой программы «Время», то она как была вялотекущей риторикой в пору застоя, так и осталась ею в годину перестройки.

Та же эпическая размеренность сюжетов о посевной или уборочной кампаниях, о поставках или непоставках комплектующего оборудования.

Тот же номенклатурно-иерархический принцип построения программы: сначала о событиях, связанных с поведением и поступками Президента, потом — выборных органов, потом — правительственных чиновников, иностранные новости, наконец, о культуре, за которой следуют спорт, погода.

Это строго вертикальное сооружение плохо приспособлено к тому, чтобы справиться с чисто утилитарной и довольно хлопотной задачей — отыскивать и подавать нам новости. Оно создано для другой цели: символизировать строгость и устойчивость нашей командно-административной системы.

И успешно символизировало во все застойные годы, заверяя лично Леонида Ильича, что он на свете всех милее, всех румяней и свежее.

Главной новостью было тогда, что новостей нет. Что все идет по плану: мы прогрессируем, а прочие маразмируют.

Посмотрев программу «Время», мы лишни раз убеждались в том, что ничто не ново под луной: ни наш Генсек, ни мы сами.

Наибольшей проблемой было: выговорит ли Генсек слово «систематически»?

Сегодня программа «Время» очень напоминает Пизанскую башню — сильно накренилась и почему-то не падает.

Впрочем, вся наша система

напоминает Пизанскую башню.

Не знаю, как насчет падающей башни и распадающейся системы, но «Время» держится, на мой взгляд, потому, что этой ритуальной программе нет реальной альтернативы в эфире.

Хотя, строго говоря, это уже не совсем так. Есть теперь в нашем эфире зеркальце-программа, которая много лучше справляется с информационными задачами. Это «ТСН», ведомая главным образом Александром Гурновым. Татьяной Митковой и Юрием Ростовым. Программа в два раза короче «Времени» и раз в пять богаче информацией. Но дело даже не в этом, а в том, что ведущие и инициаторы программы вернули новости достоинство новости. Новости как таковой, безотносительно к тому, нравится она нам или не нравится, способствует нашему пищеварению или не способствует.

В этом смысле «ТСН» отличается не только от «Времени», но и от «600 секунд» Александра Невзорова, где вся информация строго подчинена имиджу ведущего.

Александр Невзоров нынче уже не просто репортер, вездесущий и бесстрашный. Он Робин Гуд, Он мститель из Эльдорадо. Он народный герой. И вся информация «работает» на этот образ. Потому зло в самых страшных вариантах и ипостасях стало непременно компонентом этой информационной по форме программы, являющейся по сути чем-то вроде торжественного обряда во славу победы добра над злом.

И снова хроника дня подменяется ритуалом.

Только-только отреклись от старого мифа. И уже мы свой, мы новый миф построили...

«Ночные новости» пока тем хороши, что они — всего лишь новости. Их ведущие не политики, не мыслители, не пророки.

Они вестники в старом, даже древнем смысле этого слова. Те, кто приносит вести, то бишь новости, из которых складывается

мозаика быстро меняющегося времени.

Работа вестника тоже сопряжена с риском. Не только когда он добывает информацию, но и когда докладывает ее. Случалось, что за дурные вести рубили головы, а за хорошие награждали.

Трудно быть вестником (именно в древнем смысле этого слова) в наше противоречивое время: много опасностей и не меньше соблазнов. Хуже всего, что опасности и есть соблазны. Например, популярность, на которую обречены ведущие и дикторы информационных программ. Вот уже и Александр Гурнов посетовал на то, что она ему помеха в работе.

Но побочный эффект популярности (не то лекарства, не то отравы) уже сказывается на манерах и навыках ведущего и виден в кадре. Он все чаще позволяет себе кокетливое покровительство по отношению к телеаудитории, он нет-нет да и собьется на доверительно-исповедническую интонацию.

Исповедничество — такая же ловушка для информационной программы, как и проповедничество.

В послевоенные годы, помнится, шла в наших театрах пьеса под названием «Кому подчиняется время?». Там рассказывалось о каких-то происках наших недругов из империалистического лагеря. Под занавес последние должны были признать, что время работает не на них. Что подчиняется оно не им, а нам.

Их это расстроило, нас обрадовало, но в меру. Как людей, которые видят в таком исходе естественный порядок вещей.

Теперь со временем без кавычек все разъяснилось: мы не властны над ним. Более того, мы из него просто, что называется, выпали. Вместе с телевизионным «Временем» с большой буквы и в кавычках.

С помощью «600 секунд», «Ночных новостей» пытаемся приблизиться к Истории...

Получится ли?..

разумную добропорядочность массовых предпочтений. Эротические потребности не ущемлены, но и не заслоняют всего остального. Обыватель, составляющий большинство любой аудитории в любой части мира, вернулся в круг традиционных запросов. Если речь о кино, подавай ему семейную мелодраму, комедию, вестерн, ну, для остроты детектив или фильм ужасов. А, может, он из этого круга никогда, по сути, и не выходил?

Мы, как водится, преодолеваем пропасть в два прыжка. С одной стороны, тщимся смелостью «на-

шей советской зротики» переключить всех и вся — да не просто так, а со вкусом, со скрипом разоблачения социальных язв, с претензией на глобальные идеи и художественные новации. А получается, что это и не эротика вовсе — безрадостная возня злобных бесполок существ в негигиенических условиях. Или — подобно войне — продолжение политики другими средствами, еще один способ унижения человека и насилия над ним.

«Порнуха» как разновидность «чернухи». Поток фильмов с тюремно-лагерным и морго-некрофильским сексом за малыми исключениями антихудожествен и совершенно неприятелен для утомленной (не нарзаном!) публики. «И это секс? — сокрушенно вздыхает она. — Не надо нам такого секса».

С другой стороны, мы боимся задеть чувства пожилых людей и дать молодым то, чего они не должны быть лишены по определению — молодежные эротические фильмы. На Западе их производят

в изобилии, они совсем не дороги для покупки, и многие из них демонстрируют вовсе не дурной вкус. Фильмы эти не вульгарны, не являются «тяжелым порно» и могли бы послужить повышению эротической культуры нашей молодежи. А может, и не только ее. Такие ленты, имеющие лишь полулегальное хождение на видео, могли бы показываться в небольших кинотеатрах на вечерних сеансах. Это был бы наш скромный, неприятельный Гонконг.

А пока... Недавно довелось увидеть дипломную работу таджика — выпускника Высших режиссерских курсов. Название неслабое — «Идентификация желаний». Сюжет, взятый из латиноамериканского рассказа, тоже. Компания подростков навевается в бордель, где клиентов принимает мать их общего друга. А закручивается дело с коллективным опытом скотоложества в степи. Действие-то перенесено в Среднюю Азию, вот вам местный колорит.

Забавно было наблюдать, как

умудренные члены худсовета обсуждали этот — совсем не бездарный — фильм. Никто из них не был злонамеренным ретроградом, в их доводах звучала искренняя досада — ну, претит нам это, ну, воротит с души. Между тем, сколько бы ни говорили о новой конъюнктуре, и она есть не что иное как реакция на безнадежную архаику заведших нас в тупик эвфемистических отношений. Где даже секс означал нечто другое, а не физическое выражение любви. И если новое поколение все же родилось на свет, то взаимосвязи одного с другим, похоже, не познало.

Молодое кино пытается проникнуть в эту взаимосвязь. Ему трудно. На фестивале в Мюнхене была устроена дискуссия — «Секс и насилие в кино». Мы оказались на передовых рубежах. На фоне банальностей и благоглупостей зарубежных коллег блеснули знанием проблемы наши дебютанты — режиссеры Серик Апыримов и Игорь Алимпиев. Им было что по этому поводу сказать людям.